

— **2 июня** Серёжа поймал на донки трёх судаков на Зелёном острове. Судак хватается просто на кусочки плотвичек, насаженные на крючок. Кто там был, все поймали.

— **7 июня** уехал Ситнов. Приезжал "разбираться" с Бобарькиным, пил с ним водку. Срам один. Эх, Ситнов, Ситнов.

— Вряд ли он думал, когда Коля Бобарькин благополучно защитился при его попустительстве, что ему придётся через несколько месяцев снова заниматься Колиным делом. Он, ведь, и мотивировал своё потворство Колиному диссертационному продвижению тем, что зачем, мол, лишний шум в Совете поднимать, пусть себе защищается, не стоит с ним связываться, а то в ВАКе на Совет будут косо смотреть. Из высших политических соображений, короче.

— А Коля Бобарькин тем временем совсем раздулся от гордости, пьяный ходил по университету и хвастался, что его уже утвердили в ВАК, хотя диплома не показывал. С собой таскал всюду свою дочку, чтобы в вытрезвитель не забрали. Перелаялся со всеми сотрудниками на кафедре Латышева, на самого Костю - пестуна-благодетеля своего, что называется, бочки катил, Галку - жену Костину публично оскорбил где-то в компании, на юбилее Гречишкина, что ли. Тут уж и Костя не выдержал, стал требовать, чтобы Коля убирался с кафедры к чёртовой бабушке куда-нибудь "по собственному желанию". А Коля и сам уже собрался уходить, потому-то и наглел так. Преподавательское место ему не светило, в НИСе со степенью невыгодно. Он перебрался в НИИ электротранспорта, что неподалёку от кирхи, на той же Каштановой аллее. Там электромобили разрабатывают и давно уже трудится Валера Ваганов ("жизнь - борьба"), нашедший, кажется, наконец, своё счастье.

— Когда после выступления Колесника у нас в кирхе на семинаре мы с Кореньковым, Латышевым и Медведевым пили у Колесника в номере, Костя признался нам с Кореньковым, что насчёт Бобарькина мы были полностью правы - дерьмо он самое что ни на есть последнее, хотя работа у него хорошая получилась - от этого Костя не мог отказаться. Мы-то, конечно, считали, что и работа дерьмо, но спорить тогда с Костей не стали. Чего теперь-то уж, коли раньше не сумели этого доказать...

— Да. Ну так вот, уже волившись из университета, Коля Бобарькин по пьянке подрался в университетском общежитии с неким Нефёдовым, бывшим своим коллегой, сотрудником Костиной кафедры, которого я вовсе не знаю, но, по слухам, - тип под стать Бобарькину. Обстоятельства драки точно не известны. Якобы Нефёдова избивал не Коля, а пришедший вместе с ним его приятель, чуть ли не студент, которому Нефёдов обещал зачёт поставить, да не поставил.

— Так или иначе, но пострадавший Нефёдов решил Коле отомстить, составил на него "телегу", то бишь кляузу в ВАК, в которой делался упор на аморальный Колин облик и утверждалось, что Коля не достоин присуждения учёной степени, и уговорил подписать эту грамоту ещё пять сотрудников Костиной кафедры. Сам Костя в это время был в командировке, и бумага ушла в ВАК без его ведома. Он бы, конечно, её не только не подписал бы, но и не допустил бы, чтобы она была отправлена. Всё из тех же соображений - чтобы шуму не было, кафедру чтобы не порочить, тем более, что Коля всё равно уже ушёл.

— В ВАК "телега" пришла с опозданием, когда Колю уже утвердили, но диплом ему ещё не выдали. Однако отреагировать на жалобу там сочли нужным и офутболили её в измирановский Спецсовет, Ситнову - разбирайтесь, мол. Вы его выпустили, вы и разбирайтесь. А Колин диплом пока попридержали. Как разбираться - Ситнову не разъяснили. Как хотите, так и разбирайтесь. Вот в его деле лежат положительная характеристика с места его работы и письмо его коллег, полностью этой характеристике противоречащее. Вот Ситнов и приехал "разбираться".

—Разумеется, разбираться он не собирался, а просто хотел заполучить новую официальную характеристику Бобарыкина и отправить её в ВАК, решив для себя, что ВАК будет удобнее получить положительную характеристику, дабы не менять своего решения о присуждении Бобарыкину учёной степени.

—В Калининград Ситнов приехал почему-то в пятницу и получилось так, что, зайдя в кирху, он не застал там ни меня, ни Коренькова, был один Суроткин. Ситнов расспросил у него, где работает Бобарыкин, и отправился в "Электротранспорт". До вторника мы с Кореньковым так его и не увидели. Но шила в мешке не утаишь. Тем более, что они с Колей к Смертину завалились в гости, но тот, к своей чести, их не принял, видать, слишком уже хороши были.

—Да-а... , Ситнов, тоже мне ревизор. Ревнитель чести мундира. Побоялся бы хоть того, что на него, ведь, тоже могут телегу накатать - приехал разбираться, а сам водку с Бобарыкиным хлестал. Во вторник Ситнов появился в кирхе, держался виновато, без обычной своей уверенности. Рассказал, что в "Электротранспорте" против Бобарыкина ничего не имеют, что в понедельник был с Латышевым у проректора университета Калютика, тот на Латышева чуть ли не матом ругался - как такое допустил, что из Москвы сюда едут разбираться?! Порешили, что Латышев проведёт заседание кафедры с обсуждением жалобы на Бобарыкина и решение кафедры представит в ВАК.

—Ситнов намекнул, что для Кости и университета в целом лучше было бы, чтобы это решение опровергло жалобу. Но Костя и сам это понимал, без намёков. Нам же с Кореньковым Ситнов свою позицию обосновывал тем, что "кляузники", Нефёдов прежде всего, одного поля ягоды с Бобарыкиным и потакать им нечего, да и без толку. Не будет же университет свою прежнюю официальную положительную характеристику опровергать.

—Решения кафедры Ситнов не стал дожидаться, заторопился чего-то и уехал. От Кости я потом узнал, что в ВАК отправили бумагу, в которой сообщалось, что "кафедра не считает возможным рекомендовать ВАК не присуждать Бобарыкину учёную степень". Выработали формулировку (по совету Ситнова), язык сломать можно. Как в ВАК на эту бумагу отреагировали - не знаю. Наверное, удовлетворились.

—**10 июня** - день рождения Серёжи. Утром ходил на базар и встретил там Круковера - гипсовыми масками торгует! Разложил их на багажнике своего "Запорожца", сам в берете, с библейской бородой. Докатился! Прожектёр, корифей квартирообмена, специалист на все руки, собаковод-любитель. Жена от него с двумя детьми сбежала из его шикарного особняка. Теперь он живёт с огромным ньюфаундлендом. Я почему-то постеснялся к нему подойти, подумал, что ему, может, неудобно будет. Куда там! Через неделю я его опять на том же месте увидел, и он заметил меня, обрадовался, руками замахал, подходи, мол, но я только кивнул ему головой - некогда, спешу...

—Вечером в гостях у Серёжи кроме нас и Буздиных был Кондратьев. Я пригласил его на следующий вечер к нам. Через день я улетал в очередную командировку - в Томск, оппонировать Новикову, и в этот день как раз, 12 июня, исполнялось 20 лет нашей совместной жизни с Сашулей. Отмечать мы этот юбилей не собирались, решили просто посидеть за бутылочкой накануне, вот на этот вечер 11 июня я и пригласил Кондратьева, поболтать с ним не в шумной компании.

—Как ни стыдно признаться, Кондратьев впервые был у нас здесь на Фрунзе, а ведь в Ладушкин они с Лимой приезжали не раз. Кондратьев с удовольствием разглядывал книги, альбомы с фотографиями, куски янтаря - всё ему было интересно, похвалил качество некоторых фотографий. Ну, а выпив, я обрушил на него чтение мемуаров, кусками из разных мест - тут и Ляцкий, и отец Ианнуарий, и рыбалки, и интеллигенция как класс, и теория удовольствий, и проч., и проч., - Сашуля давно уже спать легла, мы прокурили всю квартиру, хотя и перешли на кухню.

—Женя уверял меня, что нужно печататься. Не для того же люди пишут, чтобы это под

спудом лежало. Хотя бы отрывки отдельные, под видом рассказов. Я отвечал, что это всё сырое, только материал ещё, не отредактированный даже ни разу. Вот перепечатаю на машинке, тогда посмотрю, а впрочем, нельзя ведь этого у нас печатать, разве что лучшие времена когда настанут, а пока пусть лежит, рано ещё... Расстались мы под утро. Я очумел совсем от курева, возбуждился как давно уже не было, не мог уснуть. Отсыпался уже в перелёте в Томск.

[\(продолжение следует\)](#)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)